

МЕТТИНИ Эмилиано,
заведующий кафедрой гуманитарных наук Международного факультета Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н.И. Пирогова (г. Москва), магистр философии (г. Пиза, Италия)

МНОГОГРАННОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ АНТОНА МАКАРЕНКО

Вопрос о многомерности личности уже давно привлекает к себе внимание теоретиков и практиков различных специальностей. На наш взгляд, в условиях постоянных изменений социально-психологических и моральных установок современного общества, данный вопрос стоит ребром, если обратить внимание на ту «текучесть», которая стала доминирующим понятием для недавно ушедшего из жизни философа З. Баумана. Разумеется, в основе такой «текучести» не лежит ни «все течет» как принцип философской диалектики, ни глубокое размышление о жизни, которое вдохновило великого русского поэта Г. Державина в его стихотворении «Водопад». Наоборот. Данная текучесть представляет собой нечто аморфообразное, внутри которого собираются и сталкиваются самые различные явления человечества. Мы берем как определяющее понятие нашего времени «текучесть» Баумана, поскольку она может дать представление о том, как психологическая неустойчивость современников смещает оси ценностно-ориентированных установок в психологии личности до их почти полного искажения. К трем главным болевым точкам, которые образованы упомянутым смещением, относятся: *отсутствие социальной идентификации, отсутствие социальной активности*, и, наконец, *отсутствие творческого подхода* к решению главных вопросов современного общества.

Что касается первого вида «отсутствия социальной идентификации», нужно подчеркнуть тот факт, что пост-индустриальная и постмодернистская философия нашего времени, работающие как особый вид силлогизма, отрицающего все предыдущие идеологии, подразумевая под ними только риторику, создали еще более сильную, почти мифологическую позицию о

несуществовании никаких различий между людьми. Кризисное состояние массовых движений, отказ от них, как от высшей точки тоталитарности, господствующей над Европой в течение почти семидесяти лет, способствовали возникновению условий для боязни прикосновения, о которой говорил Э. Канетти [3], но только с точностью до наоборот. Если британский культуролог писал, что только масса может нас освободить от данной болезни, то сегодня, мы считаем, именно контакт с массой вызывает такую жуткую реакцию. Виртуализация современного общества, поощряемая Интернетом в различных формах (от виртуального секса до поствиртуально-реального суицида подростков, апологетов «голубого кита»!), помогает нам понимать процесс превращения общения в новый более тонкий вид социального нарциссизма, где есть возможность говорить или требовать чего-то, не смотря в глаза собеседнику. Самая главная ценность – видимость, разделение своих постов в Интернете, и получение лайков, хотя это – не худшая сторона вопроса. Скрываясь за экраном и за клавиатурой, люди теряют свой «лик» как уникальную особенность личности и пребывают в постоянном карнавале виртуальной среды. В.И. Егорова написала интересную статью по данному вопросу, и в резюме отмечает, что в виртуальной среде «персонализация формируется под воздействием маскарадных эдитов, т. е. дополнительных, но в то же время и обязательных атрибутов виртуальной среды (ники, аватары, юзерпики и т. д.) и бывает двух видов: я-виртуальное и виртуальные друзья [2]. На наш взгляд, это значит, что личность может жить «инкогнито», поскольку маска карнавала позволяет ей не давать себе отчет в том, что она пишет. Как и в реальном карнавале, в виртуальности довольно обычной и массовой является следующая картина: люди создают свой образ и общаются с людьми, не зная ни их пола, ни возраста, ни местонахождения или гражданства. Такое общение «достаточно своеобразно, так как оно бывает дурачеством, игрой, карнавалом, розыгрышем, но бывает и иначе: такое общение вдруг становится предельно искренним, исповедальным и быстро, иногда внезапно, достигает немыслимой интимности [2]. Как можно это понимать? Как новый вариант диалектики господина или раба, или как Сатурналии души современной личности? Ответ не лежит на поверхности, но мы более склонны к первому варианту, поскольку здесь ядром вопроса являются трудности в процессе самосознания личности и взаимного признания своего психологического существования другими, независимо от того, кем мы являемся наяву. Ты – это ты, невзирая на маску, на защитный экран, которым скрываешь свое истинное лицо,

свое искреннее «Я». Социальная роль, статус, классификация и категоризация больше не должны угнетать человека. Так, вкратце можно резюмировать тренд современного общества, но, на самом деле, получается, что нет уже структурированного диалога между людьми, нет дискурса этики, который изучал Ю. Хабермас, поскольку «этическая легитимность норм требует дискурсивно сформированного признания всех участников ситуации, – гласит формальный принцип дискурс – этики» [4]. С этой точки зрения, можно сказать, что нет уже коммуникативного действия, а только процесс обмена сообщениями и статусами, которые каждый человек может не только понимать, но толковать, и очень часто манипулировать. Следовательно, отсутствие диалога, и положительной критики, поскольку виртуальность служит хранилищем наших фрустраций и их соответственной сублимации, рядом с карнавальностью, влечет за собой процесс деперсонификации, т. е. обезличивания, проявляющийся на языковом уровне [2]. Тут также можем заметить обеднение языка, способов выражения, которые можно заменить смайликами. Это значит, что мы идентифицируем себя с дополнительной маской, которая должна говорить вместо нас, что создает различные виды недопонимания, которые зависят от способностей восприятия виртуального собеседника. В заключении первой темы, можем сказать, что трудно определить что такое личность в пространстве виртуальной реальности, где все становится более или менее общим, и доступным.

Что касается «социальной активности», можно утверждать, что ее отсутствие также позиционируется на плоскости современного психологического «сжатия, сужения» личности. Такая черта нашего общества особенно проявляется в процессе образования и воспитания учащихся в образовательных учреждениях ряда как западных так и восточных стран (здесь речь идет не только о бывшем социалистическом блоке). На наш взгляд, на это явление сильно повлияли демократизация и либерализация современной системы образования. В силу стремления к реформированию школ и других учреждений на основе предполагаемой – и выгодной – конкурентоспособности, было обусловлено и оправдано постоянное снижение уровня образования и воспитания, и следовательно, вытеснение их в виде основной составляющей учебного процесса. Школы рассматриваются как маленькие предприятия, ведущие жесткую борьбу за клиента-ученика [1, с. 110], что породило такое понятие, как «предоставление образовательных услуг». С того момента, как образовательное учреждение предоставляет услуги, оно

имеет право на собственную политику в сфере PR, и на создание привлекательного имиджа в этих целях. Стоит только напомнить об активности в популярных социальных сетях директоров школ и других образовательных учреждений. Приемы маркетинга и менеджералистский подход – реальность нашего времени. Соответственно, постоянное рейтингование образовательных учреждений играет на руку политически и экономически мощным среди них. Логика эта – потребительская: если там высокие показатели (по результатам ЕГЭ или других форм выпускных экзаменов, или по другим критериям), значит, что образовательное учреждение престижное и успешное. Естественно, такой подход приводит к тому, что социально успешные группы населения более склонны отдавать своих детей в такие школы, тем более, что, при контингенте детей экономически обеспеченных и интеллектуально развитых, образовательные учреждения могут достичь «высоких результатов на выходе при относительно невысоких усилиях» [7, с. 153]. Исходя из этой неутешительной картины, мы можем предположить, что социальная активность учащихся нужна только в целях продвижения образовательного учреждения, что, следовательно, может иметь следствием создание искусственных условий жизни коллектива, который будет во многом оторван от реальной жизни. Отсутствует то, что можно назвать «социально-педагогическим подходом», сутью которого является «необходимость организации целенаправленного взаимодействия личности и конкретного социума для реализации их потенциальных возможностей», что положительно отражается на личностном и профессиональном развитии молодежи. Соответственно, применение данного подхода позволяет личности проявлять себя во всех сферах жизни общества (от экономической до духовной). Тут уместна ремарка, что это возможно только при взаимодействии с другими личностями социума, что, к сожалению, не всегда получается в связи с теми искусственными условиями, о которых говорилось раньше. При этом, учитывая упадок социально-гуманитарного и технического циклов дисциплин в образовании, можем сказать, что многие дети вынуждены ходить в те школы, где они не могут выразить полностью своего личностного и социального потенциала. Это обстоятельство не только снижает их статус, но может быть причиной психологических расстройств и социальной дезадаптации. Как подчеркивают М.А. Пинская и Г.А. Ястребов: «Недостаточное включение в общественную и производственную деятельность молодежи не способствует появлению у нее возможности мотивированного выбора

профессии» [7, с. 155], что влечет за собой неполное понимание и осознание динамики развития способностей и личных качеств. Если, с одной стороны, такие явления способствуют размножению так называемого «офисного планктона», и росту контингента тех, кто работает не по призванию, то, с другой стороны, более психологической, работа, не обогащенная общечеловеческими нравственными ценностями, может служить причиной проявления социально неприемлемых явлений таких, как коррупция, разгильдяйство, отрицательное отношение к выполнению своих обязанностей, или психологических заболеваний или проблем таких, как депрессия, комплекс неполноценности и т. д. В заключение второй темы, можем сказать, что социальная активности личности, особенно в современной системе образования и в обществе, обусловлена тем, что личность, психологически лишена возможности выбора, старается плыть по течению, что создает условия для дальнейшего некритического принятия того, что социально допустимо, но индивидуально и психологически неприемлемо.

Что касается *отсутствия творческого подхода* к решению главных вопросов современного общества, мы можем сказать, что в основном такое явление связано с отчуждением человека от активной политической жизни как на практическом, так и на психологическом уровне. Кризис государства всеобщего благосостояния (т.н. «welfare state» – на английском), с соответствующим сокращением социальных расходов, и снижением чувства социальной защищенности, с одной стороны, а с другой стороны – дефицит отстаивания социальных прав, их индивидуализация, атомизировали связи между людьми. Такая ситуация спровоцировала психологический разрыв тех творческих сил человека, которые могли бы использованы в решении острых вопросов современности. Кроме того, необходимо обратить внимание на один немаловажный фактор. Социальное неблагополучие многих, и условия выживания лишают человека как личности стремления к улучшению своего социального состояния, что заставляет личность замкнуться, решать вопросы только на «локальном» уровне», для себя и сейчас. В этом смысле, мы можем считать, что нет социальной солидарности, и конкуренция между людьми приобретает черты битвы за территорию, за ресурсы, за еду. Помимо этого, мы наблюдаем, что кризис самоопределения и личной идентичности современности вызваны тем, что в некоторой степени, мир слишком открыт, разгадан, без вопросов, без желания знать, потому, что все может быть найдено во всемирной сети. Этим вызвано то, что личность не имеет стремления к новшествам, к неизвестному, и таким

образом сокращается творческий потенциал вместе с креативностью человека. Если взять известные работы Р.С. Немова, можем понимать, что личность не заинтересована в поисках новых подходов, ввиду того, что потерялся смысл деятельности человека как важнейший социальный фактор. Деятельность предполагает создание социальных артефактов, целью которого является осмысления личностью окружающей среды. Но личность не голодна, она сыта информацией и ее избытком. Как заметил автор «одномерного человека» Г. Маркузе, сегодня вопрос о личности касается «освобождения от общества, которое в значительной мере развивает материальные и даже духовные потребности человека. Если говорить лозунгами, это общество – поставляющее товары большей части населения». Если духовная потребность становится товаром, который можно продавать и перепродавать, тогда критическое восприятия и творческий подход не уместны, потому, что? как заметил Дж. Оруэлл, во времени всеобщего обмана говорить правду – это революционный акт.

В заключение наших тезисов, мы можем сказать, что эти три состояния «отсутствия», о которых мы говорили, вызваны общими тенденциями современного общества. Эти последние делают личность одномерной, ограниченной и отгороженной виртуальной реальностью, знаниями, которые можно назвать знаниями «копировать и вставить», без критического и творческого мышления. В некоторой степени, мы можем сказать, что личность живет в заколдованном кругу, где только игра с самим собой кажется единственным способом выживания. Вдобавок, можно подтвердить, что наш мир, основан на мейнстриме, на подгоне под одно клише поведения и поступков, потому, что боится чужого, авторитарен во многих своих явлениях в силу своей текучей неопределенности, замаскированной под демократию.

В качестве решения данных вопросов, мы хотели бы предложить воспитательную систему Антона Семёновича Макаренко [5], по ряду причин, которые кратко изложены далее. Прежде всего, хотим подчеркнуть, что на систему выдающегося педагога необходимо посмотреть независимым взглядом, и найти в ней те подходы, которые могут быть приемлемы для преодоления идеологических и временных барьеров, которые отделяют нас от его творческого наследия. Прежде всего мы выделяем следующие стороны воспитательной системы Антона Семеновича в виде «противоядия» к современной «текучести»:

1) коллектив как форма общения и обмена опытом между учащимися, независимо от их физических и психологических особенностей или возраста;

2) процесс личностного роста в коллективе, благодаря системе перспективных линий (система определения личностных способностей, умений и навыков, при постоянном изменении статуса внутри коллектива);

3) воспитание чувства собственного достоинства, ответственности, долга (как гражданственность, как формирование своей гражданской позиции).

На наш взгляд, система Антона Семёновича Макаренко поражает современного читателя своей разнообразностью, динамичностью. В ней личность не является пассивным центром педагогического воздействия на нее, а осью и «приводным ремнем» данного воздействия во время постоянного общения и перехода от «Я» до «Ты», от «Ты» до «Мы». В коллективе Макаренко личность остается личностью, всегда находится в общении и понимании себя. Таким образом, у личности есть возможность определить себя по отношению другому, в полноте своего бытия. И именно этим данный подход может быть полезным в качестве противоядия против «отсутствия социальной идентификации».

Что касается отсутствия социальной активности и творческого решения различных вопросов, мы можем сказать, что внутри коллектива Макаренко такого не существовало. Он не раз настаивал, что человек должен быть активен, чтобы победить в себе лень, транжирство и другие отрицательные качества. Антон Семенович, заодно, повторял, что деятельность человека обладает не только механическим действием, она имеет моральное качество («труд-забота»!). Это значит, что необходимо воспитывать человека так, чтобы он брал на себя инициативу и считал своим долгом работать на благо общества, ставя перед собой те цели (перспективы), которые могут помочь ему найти путь к их реализации. В этом смысле, создается и образуется в человеке новое «Я», ищущее и желающее, умеющее повиноваться и приказывать, в зависимости от условий, не теряя чувства своей гражданской и социальной полезности. По мнению Антона Семёновича, через свою деятельность, личность может создать благополучные условия для своего развития, может воспринимать мир и общество, может преодолеть то чувство нейтральности своего дела, которое сегодня присуще почти каждому человеку, для которого выгода важнее, независимо от предполагаемых целей.

Поэтому мы считаем, что воспитательная система Макаренко важна для современного мира, ибо в ней личность многоярусна, многогранна, и может стать активной частицей общества. Необходимо только перевести ее на более современный лад, не выпуская из виду ее уникальный потенциал, который можно использовать не только в кризисном состоянии общества, а в качестве корректива современных образовательных систем. На этом настаивает и украинский психолог макаренковед В.Ф. Моргун, который рассматривает педагогику Макаренко не только как «огнетушитель для уже случившегося пожара» (постфактум), а как мощное средство *предупреждения, профилактики делинквентного поведения личности* в семье, в школе и в обществе [6, с. 180-190]. Подтверждением тому – много сотен страниц произведений Антона Семеновича о том, что человек как личность должен жить этично в отношении к себе и другим, о том, что свобода – важнейший социальный институт, о том, что наш мир может быть построен на ценностно значимых принципах, о том, как можно преодолеть социальное зло. В этом смысле, наш мир так погряз в своем нарциссизме, в изменчивости своих начал, что зло не воспринято отрицательно, и оно становится таким банальным, таким обыкновенным, что уже никого не пугает своим чудовищным видом. И именно отсутствие многогранно-морального человека в мире является причиной этого.

Литература

1. Борисова Н.В. Социальная политика в области инклюзивного образования: контекст либерализации и российские реалии / Н.В. Борисова // Журнал исследований социальной политики. – М., 2006. – № 4. – С. 103-120. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [file:///F:/sotsialnaya-politika-v-oblasti-inklyuzivnogo-obrazovaniya-kontekst-liberalizatsii-i-rossiyskie-realii%20\(1\).pdf](file:///F:/sotsialnaya-politika-v-oblasti-inklyuzivnogo-obrazovaniya-kontekst-liberalizatsii-i-rossiyskie-realii%20(1).pdf)
2. Егорова В.И. Персонификация и деперсонификация – основные виды проявления карнавальности в виртуальной среде / В.И. Егорова // Современные проблемы науки и образования. – Пенза, 2012. – № 4. – С. 103-120. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/personifikatsiya-i-depersonifikatsiya-osnovnye-vidy-proyavleniya-karnavalnosti-v-virtualnoy-srede>
3. Канетти Э. Масса и власть / Э. Канетти. – М., Издательство АСТ, 2015.–576 с.
4. Касавин И.Т. Дискурс: специальные теории и философские проблемы / И.Т. Касавин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/subject/figures/kasavin-ilya-teodorovich/11758-diskurs-specialnye-teorii-i-filosofskie-problemy.html>

5. Меттини Э. А.С. Макаренко: итальянское каприччио на разные темы. Статьи / Э. Меттини. – Саарбрюкен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015. – 136 с.
6. Моргун В.Ф. Педагогічна система А.С. Макаренка як профілактика делінквентності вихованців / В.Ф. Моргун // Седих К.В., Моргун В.Ф. Делінквентний підліток. Навчальний посібник для студентів. – 2-е вид., доп. – К.: Видавничий Дім «Слово», 1915. – С. 180-190.
7. Пинская М.А., Ястребов Г.А. Как объективно оценить качество работы школы: опыт контекстуализации образовательных результатов / М.А. Пинская, Г.А. Ястребов // Рейтинги в образовании: от разовых практик к культурным решениям. Сборник материалов. – М., 2014. – С. 147-159.